

Николай Супличенко

Неуемное солнце

*«...горевать обо мне не надо:
Я вернусь серебром дождей.
И бессонностью листопада,
И привычностью всех вещей»*

А.Остафийчук

Пролог

Алина не могла ясно вспомнить минуты прощания, слов, что звучали на кладбище, лицо Влада – застывшее, пустое, со следами страдания и боли. Она долго, очень долго, до сих пор верила, думала, хотела, чтобы Влад не имел права на смерть. Но где-то там, далеко, во вселенной решали и решили иначе.

Сейчас все, что она делала, происходило само собой, на автомате, на грани инстинкта и пустоты. Она молча села в автомобиль, и Олег, ничего не спрашивая, поехал.

Кресло приняло ее молча, с какой-то незнакомой до сегодня теплотой, легко и просто, словно она была легкой, как воздух. Даже не скрипнуло. По привычке пристегнула ремень.

Где-то впереди мерно шумел двигатель, тише, чем обычно, как будто знал о предстоящей длинной дороге и экономил силы.

Потом все вокруг наполнилось тишиной, в которой были только она и горе, заполонившее всю округу. Встречные машины казались частью этого горя, и большое горе безропотно их принимало.

Алина закрыла глаза и провалилась в пустоту. Она, эта пустота, стояла в поле среди травы и цветов и рассматривала жизнь Алины. Делила её на части и складывала в отдельные стопки, как листки тетради. Почему-то этих стопок было только две.

Первая - высокая – упиралась в небо. В этой стопке была ее жизнь, о которой она знала все, которую любила. Мелко исписанные листки шевелились, как живые, спорили между собой, смеялись и плакали, и пытались улететь в небо, которое было рядом.

Во второй стопке был всего один тетрадный листок, на котором она прочитала два слова: «пустота, боль». Он спокойно лежал на земле, прислонившись к зверобою, улыбался каждой своей клеточкой. «Странно, - подумала Алина. - Почему нет карандаша? Чем писать?»

Видение быстро пропало, и Алина увидела себя со стороны на фестивале поэзии, где они впервые встретились с Владом.

Он - с длинными волосами, чуть сгорбленный, резкий в движениях - о чем-то спорил с «хозяйкой» фестиваля. Говорил быстро, с хрипотцой, жестикулируя, улыбался какой-то необычно располагающей улыбкой, уверенно и дружелюбно.

- Алина, познакомься, это Влад - поэт и соорганизатор фестиваля. Ты могла о нем слышать, - обратилась к ней Елена Васильевна.

- Влад, - сказал он, подавая руку, - наслышан, поэзия твоя - очень. -Слово «очень» выделил особо с какой-то приятной интонацией. - Рад знакомству.

Он смотрел на нее в упор, задорно, оценивающе, смело и чуть свысока.

- Ты куда сейчас? Свободна? Я в радиорубку к радисту, пойдем посмотрим, что там с микрофонами.

Ей стало весело и... просто, как-то необычно тепло и... непонятно? Впервые она не смогла бы объяснить это чувство. Новое, нахальное, задиристое, которое пока не подходило ни под один из знакомых штампов.

Она и предположить не могла, что оно плавно, по хорошо выписанному кем-то сценарию, перейдет в то большое, светлое, гроыхающее, рушащее все на своем пути чувство, которое все по старой традиции называют Любовью. Так вот оказывается, что это такое!!!

Эти несколько часов общения решили сразу массу проблем. Они, казалось, знакомы уже так давно, что трудно и вспомнить начало их знакомства. Что думают об одном и одновременно, и странно, как это они до сих пор не вместе.

Утром она разбудила подругу Виту и оглушила ее новостью, утопила ее в восторге, в междометиях речи, в том огромном счастье, в котором была.

В памяти всплывали, как отдельные страницы книги, эпизоды радостей и огорчений (а кто знал любовь без этого?) Поэтические встречи, которые организовывали вместе, поездки, свидания, отдых на море. Все это наваливалось огромным комом, накрывало с головой, давило и поднимало, шумело и молчало, уплывало за горизонт...

Удара она не почувствовала, не услышала.

Краем сознания пришло понимание того, что она улетает прямиком к Солнцу, которое раскрывало ей объятия, улыбалось.

Становилось жарче и жарче... И солнце погасло...

Шаги к солнцу

«Все мы родом из детства»

А. Сент-Экзюпери

«...Смотрю бесконечно: планета в планете.

И космос безмерный в глазах и покой.

Ребенок дает мне ручонку. Поверьте,

В руке этой сила природы самой»

А. Остафийчук

Когда в очередной раз Алина вернулась из яслей с простудой и новым «больничным» для мамы, отец, чуть повысив голос, сказал:

- Все! Ищем няню. Никаких яслей.

С помощью подруг сравнительно быстро, в течение недели, нашли няню. Анна Тимофеевна – одинокая, еще не старая женщина, с хорошей рекомендацией. Стройная в свои за шестьдесят, с тихим, приятным голосом, слова выговаривала аккуратно и медленно. Была одета просто и со вкусом. Вызывала доверие.

Была человеком верующим, часто посещала церковь. О чем сразу предупредила. Возражений со стороны родителей не было. Решили, что плохому церковь не научит.

Больничный лист «закрыли», и Алина сразу же пошла в «люди». С первого дня знакомства они, не смотря на разницу в возрасте, подружились. Утром заходила А. Т., и они, радостные и счастливые, отправлялись «на работу» (как и мама с папой).

Возвращались домой к приходу родителей. Почти все сказки и игрушки перекочевали на новое «место работы» Алины.

Перед приемом пищи А.Т. всегда молилась.

- А что это ты делаешь, бабушка Аня?

- Молюсь Богу.

- Какому Богу, а какой он, а где он?

- Бог - он на небе живет и все видит, все знает и все может.

- А где он там на небе? Где его дом? Я не вижу.

- Его никто не видит. Живет он на облаке.

- Это Он с облака бросает на землю дождь, да?

- Да, моя хорошая.

- А как он знает, что земле нужен дождь?

- Бог - он все знает и все видит. Сегодня мы с тобой пойдем в церковь, это дом Бога на земле. Он всегда там присутствует, и люди молятся ему, и просят для себя здоровья и удачи во всех делах.

- Бабушка, а можно, я попрошу у Бога, чтобы моя мама никогда не болела?

- Конечно, моя хорошая. Сейчас мы с тобой покушаем и тогда - пойдем в церковь. Голодному идти туда нельзя, потому что тогда Бог молитву не услышит.

- Хорошо, давай быстро покушаем.

Походы в церковь стали постоянными и обязательными. И, как ни странно, Алина стала лучше кушать. Была выучена молитва «Отче наш», которую Алина часто читала перед сном.

- Бабушка Аня, а мой ангел-хранитель, он какой? Белый, с крыльями? А какие у него глаза? А он умеет разговаривать? А он всегда рядом? Это его работа? Как у папы с мамой?

Дома, где не было Бога, как считала Алина, выдумывался повод, чтобы накормить ребенка. Для этого на помощь приходили журналы: «Веселые картинки», «Мурзилка», «Барвинок», стихи А. Барто, Чуковского, их читали, и Алина незаметно съедала ужин. Чтение продолжалось до отбоя.

- Папа, не надо «...одеяло убежало...». Расскажи мне про жука и дерево, что растет у нашего дома.

Папа садился ближе и начинал свою сказку. И оживали: дерево, жук, ветерок, бабочка, одуванчик. Ветерок тербил ветки дерева, и под эту сказку незаметно засыпал уставший на работе папа.

- Папа, не спи, еще не вернулся к дереву ветерок и не принес весточку о дожде.

Сказка продолжалась, Алина засыпала. В дом заходила тишина, еле слышно вздыхало счастье. И только ходики на комоде отсчитывали уходящие секунды, и о чем-то вздыхали водопроводные трубе. Наверное, им тоже хотелось в сказку.

Утро Алина встречала с улыбкой. Быстро собиралась идти к б. Ане, они еще не дочитали с ней, какие чудеса будет делать Иисус.

Близился Новый год. На площади выросла за ночь елка с игрушками, звездами, огнями. Алина с родителями вышли посмотреть на елку, прогуляться. Возле елки Алина остановилась, начала креститься и кланяться елке, на удивление и родителей, и прохожих.

Когда Анна Тимофеевна приболела, с Алиной стала заниматься ее родная бабушка Мария Тихоновна.

- Бабушка Маша, а можно, мы с тобою почитаем про Бога и его чудеса.

- Можно, моя золотая внученька, конечно можно. Нам с тобой все можно, ведь ты у нас теперь - самая главная.

- Я самая-самая главная? А мама с папой, а ты?

- Нет, дорогая, ты у нас самая главная. Все взрослые заняты своими делами, а у тебя самое главное дело - любить нас всех. И себя.

- А как любить себя? Я же не могу сама себя даже поцеловать. Как любить?

- Это очень просто. Ты должна все делать так, чтобы все говорили: «Смотрите, какая хорошая девочка Алина. Наверное, она всех любит и себя тоже. Вот так все просто».

- Бабушка, а когда ты была маленькой, ну, такой как я, у тебя были куклы и такие книги, и журналы, как у меня? И у тебя была такая хорошая бабушка?

Бабушкины рассказы о куклах, книгах и журналах Алина слушала, не шелохнувшись, и, даже, не задавала вопросов.

На то, что не было таких журналов сказала:

- Наверное, дяди, что делают журналы, тогда не любили детей. А как бабушка знает так много, если она не читала тогда журналов? И все равно, я тебя очень-очень люблю. Ты у меня одна и самая добрая.

И совсем она не понимала, как дяди могли убить такого хорошего человека Иисуса, который делал так много чудес. Они что, не знали, что он хороший?

- Бабушка, ты не сердись, потому что мы вечером будем делать театр. Я буду Золушкой, мама - мамой, а ты - злой старухой. Это все понарошку, ты хорошая, ты немного побудешь злой, только не очень злой и все. Хорошо?

- Хорошо, моя маленькая балаболка, побуду. Только ты никому не говори, о чем мы договорились.

- Бабушка, а что такое балаболка? Я - балаболка – это хорошо или плохо?

- Балаболка - это человек, который разговаривает без остановок, как ты сейчас. Это не плохо, но лучше не привыкать к этому.

Замолчала, о чем-то усиленно думала, морщила лоб, шевелила губами.

- Бабушка, а можно мне уже говорить, я тогда не балаболка?

- Можно, конечно. Говори. Знаешь, что, давай я буду тебя называть «звоночек». Хорошо? Нравится?

- Я звоночек?! Ура! Дзинь – дзинь - дзинь...

Утром следующего дня.

- Бабушка, а читать это очень трудно? Я тоже хочу читать.

- Хорошо, мой звоночек. Для этого надо знать буквы, которыми пишутся слова. И тогда научишься читать.

- Расскажи мне про буквы.

- Сейчас начнем учить. Где тут у нас бумага, карандаш? Вот это - первая буква, и называется она «А». Твое имя начинается с этой буквы.

- Бабушка, а твое имя с какой?

- А мое - с буквы «М», вот так пишется эта буква.

В ход пошли имена мамы, папы, названия предметов, только успевай отвечать и писать их на бумаге. Так, играя, в течение недели были выучены все буквы. Цифры учились совсем легко: каждой цифре были придуманы названия. Единица – карандаш с крючком, двойка – змея кобра, три – хомяк, что лежит на боку, четыре – стул...

Собрались поехать в гости в Ужгород. Сколько было вопросов!

- А чем поедem? А где это? Там много ужей?

Пришлось познакомить с картой, показать, где мы живем и куда едем.

- А как долго будем ехать? А где будем спать? В результате, весь вечер до отбоя был посвящен карте.

В вагоне поезда все посмотрела, потрогала руками, полежала на полках.

Проводница вечером начала разносить чай. Алина пошла к проводнице и предложила помощь.

- Я уже совсем взрослая, говорит моя бабушка. И все умею, и дома даже мою тарелку.

- Ну что же, согласилась проводница, раз ты взрослая – за работу. стакан берешь двумя руками, несешь не спеша, спрашиваешь у пассажиров, желают ли они пить чай. Если да, - ставишь чай им на столик.

После помогла собирать пустые стаканы. Вернулась в купе довольная, с полными карманами конфет.

Общительность Алины родилась, наверное, раньше ее самой. И это стало ее второй натурой. На пляже в Мелекино, на второй день по приезду, ее знали все отдыхающие. Как заправский комендант или проверяющий, она обходила все домики, знакомилась с детьми и взрослыми, спрашивала разрешения примерить обувь. Зачем она это делала, объяснить долго не хотела. Однажды папе по секрету сказала:

- Хочу узнать, как быстро я расту. Ноги мои они тоже растут.

Самым главным ее занятием было чтение. Сначала, как правило, это ложилось на плечи и голосовые связки родителей. Читали много: детскую литературу, сказки, журналы. Любимой повестью ее была «Баранкин, будь человеком!» В. Медведева. Озвучена она была несколько десятков раз. Родители знали ее наизусть. Естественно, родители однажды сказали ей:

- Учись, дорогая, читать сама, ты уже взрослая.

Удивительно быстро Алина научилась читать, на радость себе и еще большую - родителей.

Эта ее страсть к чтению сослужила хорошую службу в школьные годы, когда надо было много читать по школьной программе. Алина всегда имела

свое мнение о прочитанном и свои оценки действий и поступков литературных героев.

В парке. Остановилась.

- Папа, смотри, на небе облака. Вот это - зайка, а это - медведь, а дальше - баба Яга. У них там утренник? Смотри, там далеко - машина зеленая, как лягушка, фары-глаза выпучила. А акация во дворе нарядилась, как невеста, в белые сережки, а каштан ей освещает дорогу своими свечками.

Парк обследовался досконально. Все деревья и кусты были ее друзьями. Муравьи удивляли ее своим трудолюбием.

- Папа, а у них, у муравьев, не бывает перерывов на обед? А ночью они спят?

- Папа, смотри, жук - дворник, подметает дорожку листиком. Он работает в парке? А муравьи и жуки такие счастливые!

- Почему ты так думаешь?

- А потому, что всю жизнь живут в парке. А когда я вырасту, буду жить в поле, в палатке. И каждый вечер у меня будет гореть костер. А вы все будете приходить ко мне в гости.

Детский сад. Это отдельная история с множеством внутренних коллизий, на первый взгляд незначительных. Но именно здесь, среди сверстников, сформировался ее характер.

Прежде всего, она - лидер. Настроена на добро и участие. Ее отличает прямота, честность и искренность. Начатое доводит до логического завершения. Это проявилось в детском саду, где воспитатели поощряли самостоятельность воспитанников, старались помочь ребенку осуществлять добрые начинания.

Алина, которая уже умела читать и знала большое количество сказок и историй, вполне серьезно, была определена «учителем». Она учила своих сверстников правильной разговорной речи. Справлялась с этим заданием успешно.

На всех праздниках и утренниках Алина получала самые главные сложные и ответственные роли. Все были уверены – Алина не подведет.

- Мама, в садике будем играть сказку о Красной Шапочке. Помоги мне, пожалуйста, пошить красную шапочку, чтобы она была самой красивой. А еще я возьму твою плетеную корзинку, и напечем с тобою пирожков, чтобы все было взаправду.

В выходной день шьется шапочка, к ней готовится красивый бант. В корзинку – полотенце, которое нравится Алине. Примерка, повторение слов.

Папа изображает волка, рычит, тянется к ней когтистыми лапами. Все, как в сказке. Смех, крики. Ура! Все готово назавтра.

Сегодня, после садика, сидит притихшая и необычно серьезная. Молчит. Не похожа на себя. Нехотя перебирает игрушки. Начнет читать – отложит сказку, задумается. На вопросы отвечает коротко: хорошо, нормально, нет, да. Не заболела, температура нормальная. Улеглась рано. Лежит, не спит.

- О чем думаешь, звоночек?

- Сказать сейчас не могу. Вот надумаю свою думу до конца, тогда и скажу.

Уснула. Вздрагивает во сне и словно что-то отодвигает руками. Утром спросила:

- Мама, а почему Вита такая, я ей - все хорошее, а она перестала со мной разговаривать?

Жизнь понемногу открывает перед молодым человеком свои нехорошие стороны. Удивительные эти годы перед школой и, наверное, самые важные в жизни. Возможно, в этом возрасте определяется человек. В этом возрасте изучается, так скажем, арифметика жизни, без знания которой не осилить потом высшую математику взрослой. А сколько радости дарит ребенок родителям в этом возрасте. И достает ее на всю жизнь. Родители в эти годы становятся чище, светлее, счастливее и на много моложе своих лет. Ребенок пока не задумывается о счастье. Он весь счастлив. Он – само счастье.

Хвостик. Так называли Алину все друзья отца. Каждое воскресенье, а это было святое, вдвоем с папой они отправлялись «на задание». Она с нетерпением ждала воскресенье. Потому что в воскресенье папа был только ее. Целый день. Позавтракав и одевшись по погоде, она подходила к папе, брала его за мизинец, обязательно с левой стороны, и они уходили до позднего обеда. Всю дорогу звоночек, не умолкая, рассказывал новости.

- Папа, а Степан вчера на обеде уронил ложку, и, когда поднимал ее, перевернул на себя суп. Потом долго плакал, и потом его переодели, и дали новый суп. А Вика, как маленькая, капризничала и не хотела кушать рисовую кашу. А на прогулке Роман набрал полный ботинок песка. И потом Виктория Ивановна не могла понять, откуда у шкафчиков такая куча песка. А Вика принесла губную помаду, и мы все красили губы. И когда Виктория Ивановна нас увидела, то сказала, что мы индейцы. Папа, а эти индейцы тоже красят губы помадой? Они живут в Индии?

А сегодня я куплю себе две книжки, а ты - сколько захочешь. А мама говорила на меня: «Ишь ты, какая умная». Папа, а я умная? А ты умный, потому что покупаешь много книг.

Говорила Алина нараспев, набирая много воздуха в грудь, старалась выговаривать шипящие звуки как можно мягче.

Потом наступала очередь магазина грампластинок. После магазинов заходили к папиным друзьям, где папа решал вопросы по работе. Обязательным вопросом друзей был:

- Сегодня Володя с «хвостиком»? Без хвостика не заходи.

Школа. И жданно, и, в тоже время, неожиданно врывается в дом, в устоявшийся, размеренный ритм. Отнимает ребенка, командует ним, предъявляет на него свои права, диктует массу обязанностей, правил, распоряжков. И, в конце концов, заставляет работать. Каждый день. Ужас. Наверное, каждый родитель это чувствовал, отправляя свое чадо в школу.

А каково ребенку? Одежда – только такая. Прическа. Ранец–портфель. Сменная обувь, учебники, ручки (которые вечно теряются), карандаши, резинки, пеналы. А на перемене ребята постарше стараются толкнуть, испугать. Шум, гам, толкотня.

И это после стольких лет свободы и много дозволенности. И в сентябре не уедешь к бабушке на турбазу на целый месяц. К ежикам, белочкам, дятлам, синичкам, поползням, дроздам, которые за месяц становятся родными. К речке, которая бежит куда хочет, и ничто не в силах ее остановить.

К дубам, которые по ночам стучат желудями по крыше домика, напоминая о своем существовании. Которые вечерами слушают сказки, что бабушка читает перед сном.

Каким надо быть сильным человеком. Чтобы все это принять, перетерпеть несколько дней, недель, привыкнуть и согласится, что это нужно тебе. Так, наверное, думают первого сентября все родители и первоклашки.

Последнее «садовое» время часто заводила разговор о школе. Как-то спросила:

- Мама, в школе будут учить читать, писать, считать?

- Да.

- А зачем мне в школу идти, я все уже умею.

- А числа складывать и называть их умеешь? Сколько будет три добавь три?

Через секунду:

– Шесть.

- Правильно. А к ста добавь еще сто?

Сразу:

- Два раза по сто!

- Хитрюга, не совсем так. Для этого существует свое слово. И много других слов, что обозначают числа. Так что в школу надо идти.

Учебу приняла, как обязанность, без которой невозможно.

- Мама, а почему учительница не отвечает на все мои вопросы? Она что, не знает? А почему тогда она учительница?

- Алина, учитель может чего-то не знать, как и все люди. Я тоже не все знаю, это нормально.

Задумалась.

Перед сном - «умные» разговоры с бабушкой.

- Бабушка, а ты совершала в жизни подвиги? Ну как герой?

- Какие подвиги? Работа, замужество, дети – вот и все геройство.

- А я, все равно, стану героем!

- Ну и какой ты герой? Вот и на танцы не хочешь идти. Опять нам с тобой нужно будет обманывать маму. Это так плохо.

- Не бойся, бабушка, это я не хочу на танцы. Значит, не буду балериной, да я и не хочу ею быть. Ты же знаешь, что там учат ходить, как ребенка. Я что, не умею ходить? И повторяют одно и то же: пятку вправо, пятку влево. Надоело. Я хожу хорошо, правда, бабушка? Пойдем домой.

- А Света и Лена уедут на все лето в деревню. У Светы там есть коза и корова, и много курочек. А у Лены там большой поросенок, который любит, когда его чешут за ухом. А на мои восемь лет папа купит новые игрушки на елку и подарок. А потом мы купим большую елку, украсим ее игрушками и лампочками. А вечером выключим свет, зажжем лампочки на елке и ляжем под самой елкой. И будем смотреть вверх. Там так красиво. Приходи к нам на Новый год, и ты ляжешь под елку, и увидишь эту красоту. А на море меня все знают. И когда мы приезжаем, все кричат: «Ура! Алина приехала, будет весело». И учиться мне не трудно. Я лучше всех читаю. Хочешь, расскажу тебе стихотворение.

*Кім муркіт біля воріт
Чеше лапкою живіт.
Чи погнати біля хати
Вслід за голубом–гінцем,
а чи вуса довгорусі
причесати гребінцем?*

- Нравится тебе? Мне тоже. А довгорусі - это значит: длинные и русые? Бабушка, а я сочинила свое стихотворение. Вот, послушай:

*Бабушка вяжет,
Я рядом сижу.
Тихо. И даже*

Почти не дышу.

- Умница. Поэтесса ты наша. А теперь, звоночек, давай спать, завтра нам рано вставать.

Школа... Ей нравился этот мир: квадратных уравнений, тангенсов и градусов, исторических фактов и географических названий. А цифры были живыми существами. Они понимали ее речь, и, когда Алина спрашивала у них какое будет расстояние между пунктами А и Б, и где в это время будет автомобиль, что едет в Б, они – цифры - выстраивали сами собой зависимости. И подсказывали Алине, кого из них и в какой последовательности ставить в ответ. И ответ всегда был правильным.

А ночью ей снилась большая лиловая туча, наполненная стихами. Туча бросала молнии на поле. Потом охапку стихов. И они, достигнув земли, оседали на лепестки цветов каплями росы.

Днем рифмованные строчки приходили к Алине в самое неподходящее время. На уроке, когда тема была скучной и неинтересной или знакомой давно и основательно. Отключалась, жонглировала словами, рифмами, пыталась поймать мелодию стиха. Но она выскальзывала, растворялась и исчезала из памяти до того, как она брала карандаш - записать. Иногда все-же удавалось записать несколько строчек. Но это были какие-то корявые, бессвязные строчки. Совсем не такие, что звучали в голове.

В сердцах откладывала карандаш, отгоняла видение и на какое-то время строчки уходили. Забывались.

Возвращались так же неожиданно – в транспорте, в суматохе магазина или на перемене в школе. Иногда пугали своей прямоотой, злостью, вульгарщиной. Становились, как жизнь за стенами школы.

Вчера после уроков девчонки собирались обсудить новую Надину куртку. Необычный покрой, красивая вышивка, множество молний в разных местах. Но дождь разогнал их по домам. И сегодня предстояли насыщенные перемены с бурным и веселым обсуждением.

Алина, в отличие от подружек, к новым нарядам относилась очень спокойно, не заикливалась особенно. Что одевать ей было безразлично, лишь бы одежда была чистой, отглаженной и не аляповатой. Не напрягала родителей на покупку чего-то сверхмодного и дорогого. Ей было интересно слушать мнение подружек о кофточках, юбках, туфлях, сапогах, шапках. Для неё это было чем-то вроде концерта, показом мод. Да, она понимала, видела и принимала красоту, и одежды тоже. Но давно решила, что покупать себе будет только сама на заработанные деньги.

На первой перемене Надя попала «в оборот». Её заставили поворачиваться то одним боком, до другим, спиной. Застегивали и расстегивали бесчисленные молнии. Пробовали ткань, чуть ли не на зуб.

Проверили и прочитали все нашивки и надписи (с английского! вот так бы на уроке). Повздыхали. Белой завистью позавидовали.

А Вика ухитрилась даже примерить. Это ей всегда удастся - не важно что: туфли, шапку, пальто. Оценка её всегда – отлично! Серьезно и искренне. С неизменной теплой, обволакивающей улыбкой. Часто с юмором. Её серые, широко открытые глаза говорили то же, что и слова.

- Так, счастливица. Эти вот молнии к месту и нужной длины, - изрекала свой вердикт Рая. - Карманы расположены удобно. Дай мобилу! Вот, по размеру. Класс! И цветы так гармонируют с пуговицами. Пуговицы - украшение, но к месту... Помните, у Анны Андреевны на жакете были почти такие, но твои - лучше. Красивее. Какая ты, Надь, счастливая! Ты среди нас, как принцесса! Нет, правда. А вы видели, как Женька пялился на неё? Куртка – великое дело! Надь, ты моргни ему – пусть помучается.

- Вот почему так, – тихоня Зина подала свой голос. - Почему кто-то решил, что в одинаковых нарядах ходить женщинам нельзя? Артистки падают в обморок, если появляются в одинаковых нарядах на приемах. Вот одеть бы их во все одинаковое! Во, хохма!

- «Ты, Зин, на грубость нарываешь!», - пропела голосом Высоцкого Таня. А я ни за что с этим не соглашусь. Лучше тогда в фуфайке. Взрыв! А куртка клеевая.

- Ребята..., - Алина сделала паузу. - А давайте будем все и во всем разные! Вот листочки на кленах пусть будут одинаковые. У него получается быть очень красивым осенью. А мы каждый день красивые. Слышали, завтра «землемер» (так звали за глаза К.И., которая в начале урока линейкой замеряла длину юбок. Так она следила за моральным обликом девочек, как сама объясняла). Так что вшиваем резинки, и быть готовыми к замеру, и удачно проходим «допинг-контроль». Один урок отсидим вполне моральными.

А вот я, наверное, стану учителем. Мне даже снилось, как я прихожу на свой первый урок. Ведь так интересно с нами, я думаю. И мои ученики будут меня любить. И пусть одевают что угодно, лишь бы выросли ЛЮДЬМИ.

- А я, - задумчиво произнесла вторая Алина, - буду банкиром. Это тоже интересно.

Зашумел охрипший звонок, призывая будущего банкира и её подруг на светлые очи Александры Зиновьевны, которую все они, каждая по-своему, любили. И не только за отсутствие измерителя в виде линейки.

Алина любила дождь. Любой. Грозовой ливень с ветром, осенний. Даже зимний, но, чтобы без гололеда, этот возвращал в осень. Пусть холодную и грустную.

Вот и сейчас открыла окно, уселась рядом. Голову на руки, на подоконник. Дождь был спокойный, очень ласковый. Он даже не шел, а крался мелкими, застенчивыми шажками, нехотя. Можно было увидеть отдельные редкие капли. В лужах они поднимали «бульбашки» (бабушка всегда говорила, что это к продолжению дождя). Хорошо, - подумала Алина. - Пускай идет долго.

Листья на деревьях блестели чистотой и влагой, а когда дождинка попадала на листик, он от неожиданности вздрагивал, наклонялся. Казалось, он отвешивал поклон, дождинка-капелька срывалась с него и летела дальше по своим дождевским делам.

Там, внизу, под деревом, в траве уже лежали ее подружки. Они теснились, давая ей место рядом с собой... Знала она, что скоро выглянет солнце, у нее снова отрастут невидимые людям крылышки, и она улетит на небо, где у нее есть своя комната. А еще дождинка-капелька мечтала попасть на крышу большого дома. Потом вместе с подружками падать с крыши на камень и долбить в нем озерцо. И купаться в нем. Дождикина бабушка, снежинка, научила ее ловить на лету пылинки, которые делали воздух грязным.

- Алина, чем ты там так усердно занята? Тихо у тебя.

- Я здесь смотрю, чем занимается дождь и сочиняю сказку. Дождь сегодня такой грустный. Почему это? Наверное, в пасмурном дне много грусти.

- Сказочница, ты подготовила уроки? Завтра у тебя контрольная по математике.

- Я уже все повторила. Вот увидишь, все будет хорошо. Ты же знаешь нашу маму – она меня подготовила, и я могу хоть завтра сдавать экзамены.

Мама была и остается моим главным академиком. Это она привила мне любовь к точным наукам, к математике особо. Иногда я думаю, что может это и не совсем надо мне, как женщине..., но уже сделать ничего нельзя. Я заражена анализом всего и всех. Придется с этим жить.

И потом, наша мама - хранительница домашнего очага. Мы без неё – никто. Сразу погибнем от голода и холода. И её я люблю так же сильно, как тебя.

- Папа, а как ты думаешь, через сколько дней я выпью дождик, что шел сегодня?

- Не знаю, наверное, не скоро.

- Нет, ты скажи, подумай, ты же взрослый.

- Они должны попасть в подземный водяной слой и приплыть к месту, откуда нам качают воду. Давай так решим с тобой: наверное, дней через десять.

- Ура! Через десять дней я буду пить этот дождь.
- А ты подставь под дождик кружку и набери воды сейчас.
- Нет. Так не интересно. Дождику интересно путешествовать под землей. Пускай путешествует. Я, когда стану совсем взрослой, заработаю деньги и тоже буду путешествовать по другим странам.

- А не хочет ли звоночек под дождь? Путешествовать. Одевайся. Берем зонты. Идет дождь, и мы идем, и время идет. Будем думать думу, как ты говоришь.

Долго шли молча. Зашли в парк. Здесь было особенно хорошо. Казалось, деревья, кусты, трава о чем-то говорили с дождем на только им понятном языке.

- Папа, а ты любишь маму? - Вопрос, как выстрел.

- Конечно же, звоночек. А что это ты вдруг спросила?

- Я знаю, что вы любите друг друга и меня. И мне так хорошо. А вы такие у меня замечательные. Самые лучшие. А я, как учила меня бабушка, постараюсь вас не огорчать. И чтобы вы мною гордились. Вот увидишь.

- Алина, что-то случилось, что ты начала этот разговор?

- Ничего не случилось. Только у Тани на прошлой неделе ушел от них папа, и они остались с мамой одни. И Таня все время плачет, потому что папа ее хороший.

Я вечером пойду к ней. Помогу готовиться к контрольной.

- Конечно же, иди. Умница.

*Все надежды в завтрашнем рассвете,
Вся роса - раздарена цветам.
Так живут растения и дети.
Почему бы так не жить и нам?
А. Остафийчук*

В воскресенье, собрав небольшой «тормозок», пошли в поле.

Сразу же за городом начинались холмы – знакомый донецкий ландшафт. Они плавно переходили в ровные участки степи, где до самого горизонта простирались посевы кукурузы и подсолнуха. Подсолнухи начинали цвести, горели желтым, раскрытые шляпки в зеленых лепестках венчика.

- Папа, смотри, сколько уже солнц на поле! А как здесь будет красиво, когда они все зацветут. Будет у нас золотое поле.

Под ногами начинался холм с островками седого ковыля, который при дуновении ветерка кланялся им, непринужденно и величественно. Зверобой

тянул к небу свои звездочки, важно стояли васильки, выставив, на показ, голубые метелки, словно хвастались подарком неба. Рядом скромно и неприметно, почти лежал на земле чабрец, заполонив своим запахом всю округу. Подорожник гордо держал свою пику, устремив ее в небо. Цвел, рассыпая пыльцу, ползучий пырей, топорщился молочай, важно лежали шары кермека и зеленели полянки тонконога.

На цветке клевера, на секунду прервав свою, только ему понятную, арию любви, восседал шмель. Суетились, занятые своими делами муравьи, не спеша шествовали жуки, жужжали пчелы, возвращаясь домой со взятка.

Где-то высоко, не увидать, жаворонок заходилась песней, в которой было столько слов о любви, что Алина беззвучно шептала их, присев у поляны цветущего земляного горошка. Долго и внимательно рассматривала его, как бы угадывая, что-то давно забытое. Потом укладывала цветок на ладонь, принимала его тепло, словно роднилась с ним. Удивлялась простоте и красоте линий, меняющейся цветовой гамме, симметричности прожилок и лепестков.

Мысленно спрашивала себя: а я так искусно могу что-либо сотворить? Дома пыталась по памяти нарисовать, перенести на бумагу увиденное и ... рвала листок за листком. Нет. Рисование - не её. А где-то на самом доньшке сознания души теплилась надежда, что и она сумеет создать то, что назовут искусством.

На перемене в школе Алина рассказывала подружке об увиденном в поле, о своих ощущениях. Удивлялась, что пока не может рассказом захватить слушателя (или слушателю это было неинтересно? Замолкала. Но не обижалась.

На склоне было несколько водостоков глубиной с ее рост. В них росли небольшие деревья вязов, берестов, дикой груши. На ее больших колючках сорокопуд развесил свою добычу: жуков и ящериц.

С болью в сердце Алине пришлось согласиться с объяснением, что птице для жизни нужна пища. Например – ящерица.

На груше, непонятно как примостилось гнездо, круглое, как шар. Все оно состояло из маленьких сухих веточек. Только вот посмотреть, что там внутри гнезда, не удалось – слишком высоко. В этих водостоках росли кусты шиповника, терна, жимолости, жостера. Весной они покрывались яркими цветами, а осенью дарили птицам и людям плоды.

Все это разнотравье: цветы, ягоды, жаворонка, ласточек, зеленую щурку, сорокапуга Алина любила какой-то, даже ей непонятной, любовью. Ей даже

иногда казалось, что все они ее родственники. И защищать их она готова в любой момент.

Возможно здесь, на этом холме, с залысинами мела, она впервые почувствовала ответственность за землю. Что эту неброскую красоту и неповторимость всего ничем в жизни не заменить.

Эти холмы, поле, купол неба над головой, солнце и бледный днем месяц – были продолжением (или началом) её. Её сущностью.

Они ложились с папой на траву и наблюдали спектакль, который давали им облака под музыку жаворонка.

Возвращались домой молча, словно боялись расплескать то ощущение радости и счастья, что их щедро наделило поле.

Биссектриса... Что-то, по мнению Алины, бесцветное, равнодушное, безразличное. Такое положение вещей она не принимала. Как можно быть на одном расстоянии от плохого и хорошего? Учителю на уроке сказала:

- Какая-то ваша биссектриса - ни то ни сё.

Ей хотелось, чтобы биссектриса была, хоть на немного к хорошему, поддерживала его, делала сильнее. Болезненное отношение к плохому иногда ссорило ее с друзьями.

К счастью, пока хорошего было намного больше. Много радости, хороших друзей, по горло любимых дел. А иногда и по ноздри.

С нетерпением ожидала каникулы. На все лето, каждый год, уезжала на турбазу «Березка» к бабушке. Свобода – утром спи, сколько хочешь, читай, купайся, броди лесом.

Лес живет своей жизнью. Лягушки, греющие кровь на берегу, ужи, что караулят лягушат, стрекозы - неподражаемые летуны с перламутровыми крыльями, белочки-верхолазы, бесстрашные, любопытные, хитрые, знающие в своем районе все ветки на всех деревьях.

Присядет в лесу, трогает травинку, как струну:

- Бабушка, послушай, как звучит солнце, а у неба такой голубой, кисловатый звук. А сосны сегодня грустят. Может, кто их обидел? Пойдем, полюбуемся бегом реки. Река - добрая, как солнце. Она для всех. А берега не

пускают ее гулять там, где она хочет. А ты у меня только один берег, и я могу бежать, куда захочу.

Грибы – отдельная история. Еще перед школой, когда увидела впервые мухомор, перепугала своим криком.

- Папа, иди скорее сюда, бегом! Здесь чудо! Смотри, здесь солнце с веснушками! Ура! Я нашла солнце! Объяснили, как этот гриб называется, что он не съедобный. Ядовитый. На что она вполне серьезно нам рассказала.

- Это нарочно так придумано, чтобы люди его не брали, потому, что он светит ночью деревьям. И тогда деревья видят, куда надо расти. Вот мы сегодня ночью придем к нему и увидим. Мухоморы - ее любовь. Как она, чуть не плача, стояла над сломанным мухомором и не могла понять, как можно не любить солнечный гриб!

Потом всякий раз, когда отправлялись в лес, бежала вперед искать мухоморы и радовалась, когда находила.

В урожайный год собирала маслята, сыроежки, грузди, белые. К ним относилась, как к дарам природы. Но, приготовленные, почти не ела.

В старших классах, главное на турбазе, – игра с папой в теннис. С обеда пятницы не находила себе места – ждала приезда родителей. Проверяла ракетку, мячики, сетку, все протирала, снова аккуратно складывала в пакет, готовила одежду.

В субботу, после завтрака, они с папой идут играть.

Играют долго, азартно, споря и обвиняя, забыв о времени. Потом приходила мама, серьезная и не совсем своя. Молча снимала сетку со стола, игнорируя просьбы. Приходилось идти домой, где, в конец уставшие игроки, падали отдыхать, забыв про еду. Так было каждую субботу и воскресенье.

Не верится, что счастья может быть так много.

Как-то остались в комнате вдвоем с мамой. Молча лежали, слушали перебранку синичек на веранде.

- Мамуля, ну почему я такая?

- Что случилось?

- Я к знакомым мужчинам и к потенциальным женихам отношусь, как к объектам, задачам, которые надо анализировать и делать выводы на предмет годности. И очень часто этот анализ приводит к выводам, так скажем, отрицательным. Так можно остаться старой девой, как говаривали в старину.

Не волнуйся, глупышка. Придет любовь, и ты забудешь свою науку и анализ. И вывод будет один, даст Бог - хороший...

*«Так что же мешает зависнуть кометой,
Вот там, чуть левее седых облаков.
Я просто обязана стать этим небом,
Я есть. И со мною есть радуга снов.»*

А. Остафийчук

Голос был тихий и спокойный, располагал к себе, но не земной. И цветной.

Она это ощущала, но определить свет не удавалось. Она вышла из дому, и сразу за порогом начиналось поле. Много цветов. Одного необъяснимого цвета. Бесцветные. Теперь она слышала слова, но значение их она забыла.

Они наплывали со всех сторон. Все состояло со слов, чистых и разноцветных.

И тут она увидела солнце. Оно лежало на горизонте под аркой радуги. Ярко – оранжевое. Улыбающееся. И она услышала:

- Сестра, я тебя жду, Иди ко мне. Без тебя так плохо и одиноко мне на огромном небе с этими холодными и бездушными звездами.

От солнца исходило цветное тепло, как от маминой ладони.

- Давай с тобою раскрасим цветы, чтобы степь стала еще красивей.

И они пошли по полю, и солнце своим золотым лучом красило лепестки цветов в разный цвет. И цвет выбирала Алина. Так продолжалось очень долго. Она устало прислонилась к теплему боку солнца и услышала голос мамы.

- Звоночек, просыпайся. Готовы твои любимые оладьи. И легонько погладила ее по щеке.

- А солнце уже заглядывало в окошко, подмигивало Алине. Теперь у них с солнцем была своя тайна. И день весь был на удивление теплым.

*«И главное – вникнуть сознанием, телом
В одну непреложную правду Земли:
Все – тлен: все планеты, все боги и сферы,
Все – тлен, если ты вне рыданий Любви»*

А. Остафийчук

Бывало, после девичника, на котором говорили о любви, Алина долго не могла уснуть. Загадочное и неистребимое чувство. Узнают ли когда-нибудь люди, что есть любовь? Возникает на границе детства и юности. Как начало

чего-то таинственного, зовущего в новый, доселе неизвестный мир. Мир открытий, настоящих трагедий и разочарований. Мир сказочный, который втягивает в себя, как водоворот, не умеющих плавать. И даже опытных пловцов. А утопающие не принимают, а отвергают «помощь» спасателей.

Может смысл жизни и заключается в нахождении ответа на этот вопрос: «Что есть любовь?»

И, наверное, жизнь приоткрывает тайну тогда, когда она, любовь, необъяснимая, всеобъемлющая, манящая и горькая, вдруг, уходит. Оставляет после себя пустоту в душе и сердце. А время вбирает в себя тоску, боль, безысходность. И ты становишься снова собой, новым, чуть выше и чище, и осторожнее, когда что-то подобное снова стучится к тебе в душу.

И снова ты не слышишь доводов разума, который вот он - рядом. И рядом ли?

Может, любовь - талант. Поцелуй Бога. Не каждый отмечен ею. Только сильные и талантливые ещё в чем-то. Любовь, как презент. Бонус, к чему-то очень важному. Может, любовь – наказание? Только за что?

Или таким образом развлекается небо?

Любовь – стихийное бедствие, организованное небом для одного, реже для двоих?

Любовь – катализатор стихов. Как часто стихи, формальная сторона её, управляют нашими чувствами. Им иногда верят, принимают за чистую монету, не замечая подделки.

Обман так красив и приятен.

Кому это нужно?

Бывают ли счастливы циники, не верящие в любовь? Кто регулирует количество верящих и не верящих в любовь? И возникает новый вопрос: «Откуда ты, человек? Есть ли у тебя (был ли) создатель?»

Кому здесь, на земле, нужны несчастные люди?

Богу? Царю? Соседям?

Школа №35, о ней можно писать книгу. Особая атмосфера доброжелательности и уважения. Учителя – больше, чем преподаватели. Друзья. Многие одноклассники-мальчики кажутся взрослее своих лет.

Кружки по интересам, вечера, агитбригада – все, казалось, было создано специально для Алины, для её неумной натуры и неутомимой энергии. Но и этого ей было мало. По вечерам Алина бегала в театральную кружок при театре «Бамбук», которым руководил Метла Н.И.

На каникулах школа организовывала экскурсии по стране и за рубеж. Алине особенно запомнилась поездка в Карпаты. Горы Крымские она видела, когда летом с родителями ездили на море отдыхать. А здесь в Карпатах она поверила В. Высоцкому: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал».

Горы оглушили её своей красотой и самобытностью. Смереками и полонынами, приветливым и гостеприимным народом. Здесь она услышала, на рынке в Яремче, язык лемкив – родной язык её любимой прабабушки. Она остановилась. Прислушалась. Звучала речь её предков. И Алина, вдруг, начала его понимать. Испугалась и обрадовалась. Стояла, не в силах сдвинуться с места.

«Что случилось, Алина? Пойдем, мы тебя чуть не потеряли», – подошла к ней Александра Зиновьевна, руководитель группы и любимая учительница.

В голове продолжали звучать слова на языке прабабушки, было тепло от них и почему-то колотилось сердце, как после стометровки на уроке физкультуры.

Камни Довбуша, водопады, деревянные дворцы санаториев, серпантины горных дорог, все зазвучало в душе по-новому, приобрело свой цвет. Но об этом она никому не говорила. Засмеют. Хоть и в шутку.

Дома, по приезду, сразу пошла к бабушке Катажине.

- Бабушка! Я понимаю твой родной язык! Полностью понимаю.

- Який язык, моя ластивко?

- Лемкив.

- Як цэ може бути?

- Не знаю. В Яремче на рынке я слушала женщин, они говорили на своем языке, и я все понимала.

- Добже! Зараз тэбэ пэрэвирэмо.

- Бер адзимку гибай гев.

- Хорошо, бабуля, сейчас принесу.

- Стоп! Юж маш дос зо сьа.

Говорить бегло не могла, но все понимала.

Теперь они с бабушкой шокировали близких, когда в шутку говорили на двух языках. Один из которых понимали только они. За что их в семье прозвали конспираторами.

Из поездки за границу Союза привезла яркие впечатления от старинной архитектуры и шокирующей чистоты на улицах городов.

Еще отсутствие отличия городов и деревень в плане порядка и удобств. Да, в деревнях не было высоток, но обязательными были мощеные или с асфальтным покрытием улицы, уютные, с приятным запахом внутри, кафе, красивые цветники и аккуратно подстриженные деревья. Чистота оконных стекол в домах бросалась в глаза. Как оказалось, там окна моются обязательно каждую неделю. И в любой день недели можно было увидеть, как кто-то моет окна.

На рынках и в магазинах предупредительные и приветливые продавцы.

Костелы и храмы поражали своей, устремленной ввысь торжественностью, витражами и непередаваемой святостью.

Когда Алина дома слышала выражение «Там, на Западе, люди работают, чтобы жить, а мы живем, чтобы работать», - она понимала: чтобы согласиться с этим выражением, надо съездить туда и все увидеть.

Музеи писателей, поэтов, композиторов – это надо видеть. Партитуры классической музыки с чернильными кляксами. Сегодня это шедевры.

Все виденное потом отразится в строчках её стихов, как воспоминание о прекрасном. Как сказал поэт Н. Чавчавадзе своей дочери Нине: «Стихи – это всегда воспоминания». Стихи все настойчивее напоминали о себе, заходили и оставались на бумаге, появлялись в газетах и в коллективных сборниках.

Май приглашал в гости, предлагал повалить известного субъекта. Был таким улыбчивым и радушным. Как здесь устоять? И до экзаменов еще целый месяц.

Сбежать решили с последнего урока. По одному, как заговорщики. Встречу назначили в парке.

Парк встретил тишиной, запахом весны и свободы. Свежей, первозданной зеленью. Королевами в сережках – подвесках стояли березы. Канделябрами с тысячами свечей – каштаны. Приветливо улыбались одуванчики. Цвела пастушья сумка, первоцвет и мать и мачеха. Черемуха разливала запах на всю округу. Пахло сеном – подстригли газоны.

Вспомнилось: «пахнет сеном над лугами, пени душу веселят, бабы с граблями рядами ходят, сено шевелят». Птицы готовились к будущему материнству. Все были при деле, кроме четырех, захотевших свободы.

Редкие облака вальяжно плыли по небу по своим облачным делам. Солнце, у него сегодня выходной, рабочие дни - суббота, воскресенье, смотрело на них с укоризной, как показалось Алине. И ей на мгновение стало не по себе, стыдно и неудобно.

Опьяненные своей дерзостью и свободой, они взорвали тишину будничного парка чистым, беззаботным смехом и веселым говором. Говорили все сразу, смелые и счастливые. Их не пугали последствия поступка ни в школе, ни дома. Сейчас они счастливы, и это - главное.

О том, что сегодня понедельник, они не подумали. Все было закрыто, а пить хотелось. С разговорами кто сколько и чего выпьет, отправились на квартиру к Алине, по традиции. И это совсем рядом.

Подгоняли чайник, который не спешил готовить кипяток, стучали ложками, смеялись по любому поводу.

- А представляете, как Иваныч будет удивлен, что нас нет.

- А я просила Аню сказать, что я пошла в поликлинику.

- А я никому, ничего. Завтра что-нибудь придумаю.

- А я скажу, что за весь год имею право один урок пропустить. И, вообще, надоело быть паинькой.

- А мне утром, не помню кто, сказал, что урока не будет.

Приготовили чай – кофе. Усердно дули на кипяток. Напрочь забыв, что можно чай пить по-купечески – из блюда.

- Девчонки, а я вот заметила, что все вы сегодня стали красивыми и взрослыми.

- Ага, - подала голос Таня, - взрослыми. А с урока сбежали, как пацанки.

- Да нет. Правда. Аля, у тебя такие чудные волосы, просто копна, черные, как ворона крыло. А глаза. Такие бывают только у гадалок, цыган и принцесс-мусульманок.

- А вы заметили, что у нашей хозяйки волосы светятся даже ночью. И, вообще, от неё исходит добро, что ли. Мне всегда так тепло рядом с ней.

- А ямочки на щеках! И улыбка. У кого еще есть такая улыбка? Ни у кого.

- Девчонки, взмолилась Алина, что мы тут составляем портреты, как в ментовке и поем друг другу дифирамбы. Все мы самые умные (сегодняшний

пример?), самые красивые, самые смелые, самые успешные и самые злостные нарушители дисциплины, как скажет А.З.

Долго еще звенела посуда в серванте от смеха и возгласов, не раз еще чайник готовил кипяток.

Разошлись перед приходом родителей с работы.

Самые взрослые... Как-то неожиданно для себя Алина заметила, что в её поведение, жесты, в разговор врывалась нахально, по-хозяйски кто-то другая, не она. Эта другая выталкивала девчонку-подростка бесцеремонно в прошлое, пусть и счастливое. И она оставляла прошлое без сожаления, даже с радостью.

Исследовала придирчиво и подолгу глаза и брови, нос, губы, волосы. Тело, которое, вдруг, стало другим и пока непонятными, неподконтрольным разуму, и первое время пугающим.

Почувствовала внимание мужчин, буквально кожей. Было это и необычно, и загадочно, но приятно. По-новому увидела сверстников, старшеклассников. В один день они стали другими, все стали как бы моложе, поглупели что ли. Хотя многие, она знала, были умными еще вчера. А что в них изменилось, не могла себе объяснить. Изменились все мужчины - прохожие, соседи, знакомые.

Поделилась своими ощущениями с бабушкой.

- Взрослой ты стала, внученька. Женщиной. Поздравляю.

Дождь шел с вечера. Мелкий и надоедливый, как мошкара в весеннем лесу. Под стать дождю в голове роились мысли, какие-то несерьезные. Обо всем сразу и ни о чем. Она знала, что после этого «ничего» придут стихи. Грустные. Как говорила подруга Алина – о жизни.

Бывали минуты, когда наступала полная отрешенность. Тогда её ничто не волновало. Где-то вдалеке двигались или стояли люди, шевелили губами, словно рыбы на суше, улыбались и смеялись беззвучно и как-то неуклюже. Откуда-то сверху слышался голос, тихий, монотонный. Как грибной дождь в июле. Он диктовал стихи. Без пауз, слово за словом. Внятно. Почти по слогам.

Стихи спускались с неба строчка за строчкой, непрерывной полосой.

Куда эта строчка входила, не было видно.

Алина точно запоминала слова и потом в нормальном состоянии просто их записывала, не понимая, как это происходит.

Прочитав потом записанные стихи, принимала их и соглашалась. Только расставляла знаки препинания.

Студентка! Это событие оказалось для Алины будничным и никак не праздником, так как произошло легко и без напряжения.

Студенты – отдельная галактика, загадочная и много раз открываемая заново новой армией исследователей. Вся в броуновском движении и притихшая в сессию, когда все становятся внимательными, как саперы, разминирующие дорогу к следующему семестру и к дипломному проекту.

Смех и слезы, открытость и замкнутость, спешка и явная лень и полное, в последней инстанции, знание жизни.

Смесь детства и показной мудрости, начало настоящей дружбы и созревание любви. Все открыты, как степь и закрыты, как граница.

В эти годы случается все и сразу, и много. И только здесь в этой галактике. Алина чувствовала себя в ней, как птица с первого дня.

Первая лекция в большой аудитории. Торжественность, заполнившая все пространство, поздравление профессора с началом работы, он так и сказал – работы. И без раскочки началась работа.

Было необычно, как все новое, интересно. Алина набрасывала в тетради основное, как она считала. Постепенно монотонный голос профессора заполнил весь объем аудитории. Соседи усердно строчили, отрешившись от всего.

Иногда лекция прерывалась лирическими отступлениями в которых озвучивались курьезные случаи студенческой жизни, анекдоты. Тогда Алина рассматривала соседей. Оказалось, что на потоке девчонок не меньше ребят.

И еще её удивила броская, не к случаю, как она считала, одежда студенток.

Ребята были, как она для себя определила, разнокалиберные: толстые и щуплые, с пышными шевелюрами и стриженные под ноль, «разноцветные». Многие, как и она, в очках.

Девчонки, как на «оглядынах», сказала бы бабушка. В боевой, убийственной раскраске. Разодеты, как на показ мод, с радугами на пальцах рук и ног. Поражало обилие украшений на всех частях тела. Усмехнулась – если собрать все и реализовать, то можно было бы отремонтировать небольшую больницу. В школе украшений на девчонках было в разы меньше. Свобода?!

Не осуждала. Се ля ви, как часто говорил папа, когда о таких вещах заходила речь. Теперь это её попутчики на этом этапе пути. Подружился – успокоила себя. Верила, что они все же лучше.

Доска объявлений на первом этаже уже пестрела приглашениями на встречи, походы, группы по интересам. Все это надо было проанализировать, выбрать по душе и не в ущерб учебе.

Время незаметно приблизило зачеты. Она их с легкостью получала без каких-либо усилий. И сессия для нее была просто формальным актом - надо было прийти на экзамен и «автоматом» сдать.

Студенческий клуб ДГМА – то, что нужно было деятельной натуре Алины. В его коллектив вошла свободно, как в давно знакомое дело. Встречи, вечера, поездки, праздники. Появились новые друзья, такие же энтузиасты. Работы было выше крыши.

Незаметно накапливался опыт организатора, генератора идей. Так же незаметно стала лидером, основой, краеугольным камнем новых, необычных и интересных начинаний.

Городские газеты «Технополис» и «Восточный проект», в которых Алина работала внештатным корреспондентом, продолжали печатать ее материалы.

Где-то в ноябре месяце «Восточный проект» не принял ее статью. Статью, как считала Алина, актуальную, нужную, ко времени.

Пришла домой расстроенная, Включила Баха, потом Верди.

Зашел отец. Молча сел рядом.

- Рассказывай, Лисенок, что случилось.

- А, ну их всех! Все! Надоело доказывать очевидные вещи. Они что, не понимают, что этот материал завтра будет не нужен. И вопрос снова не будет решаться годами. Его надо было печатать еще вчера!

- Слушай, доча, - после долгой паузы заговорила мама. - А что если ты выступишь с идеей создать свою газету в академии? И название я уже придумала: «Академия». Как тебе идея?

- Мама дело предлагает, - поддержал папа. - Поможем, если что. Дерзай, Лисенок. Чем черт не шутит.

- Мамуля, ты гений! Ура! Обещаю тебе, мамуля, что обязательно стану кандидатом наук, как ты мечтаешь. Папуля, ты не только мой сказочник Андерсен-2, но и мой вдохновитель. Даю слово, что напишу книжку «Сказки» - по мотивам тех сказок, что ты мне рассказывал во всем моем детстве. И это будут сказки не хуже, чем у Андерсена.

Уже завтра собрала единомышленников по клубу и поделилась идеей организовать выпуск, в стенах академии, своей студенческой газеты. Идея была принята на ура.

Все командой (количество должно перейти в качество, сказала Вита) отправились на прием к ректору.

А через месяц в академии вышел первый номер газеты «Академия» и Алина была заместителем главного редактора. И если быть до конца справедливым, то основную массу работы делала Алина.

Права народная мудрость: «Инициатива наказуема». Газета печатала стихи студентов, которые пробовали свои силы в поэтическом слове.

- И уже через год газета «Академия» стала одним из победителей фестиваля детских и молодежных СМИ Украины в Донбассе «ЖМИ на RECOrd».

Вспомнилась первая встреча с Романом у его бабушки, куда он приехал на каникулы. Его черные глаза, черносливы, подумала Алина. Они улыбались ничего не значащей улыбкой, но приятной. И весь он был необычно спокойный и правильный. Ей стало приятно и хорошо.

Оказывается, Роман часто приезжал на несколько дней к бабушке. Неплохо знает район города, где живет бабушка. Договорились, что завтра встретятся, и Алина будет играть роль экскурсовода.

Встретились у кинотеатра «Октябрь». Роман её ожидал с гвоздикой. Решили, что экскурсию начнут с парка. Оказалось, что в «кумирах» у них одни и те же писатели, поэты, музыканты... Это уже потом были звонки, письма, встречи. Её поездки в гости в Питер, который стал ее любимым городом. В котором они любили друг друга, напрочь потеряв головы. Все белые ночи подряд.

Питер! С этим городом у Алины была любовь с первого взгляда, первого шага по его земле. Город, где всё создано с любовью: набережные, мостики и мосты, храмы, проспекты и переулки, сады и скверы.

Город-интеллигент. Демократ, романтик и город-друг. И даже толпа прохожих и зевак радуется. Ведь это все его друзья, если они здесь, в этом городе.

Алина не выделяла в нем ничего – все воспринимала одним целым, как ожившую сказку, расцвеченную ночью электрическими огнями. Его слякоть в любое время года и духоту после июльского дождя, решетки и скульптуры.

Музеи и атмосферу радости и праздника. И весь он - отражение восторга, простоты, шири и свободы.

Его небо, меняющееся за день много раз. И трудно определить какое оно.

Наверное, питерское.

Этот город предлагал ей себя. Оставлял навсегда. Признавался в любви.

Но степь, родная степь, напоминала о себе каждый раз, звала и не отпускала. И степь победила, была более убедительной. Родная.

Знать бы нам, где зимуют наше счастье и любовь. Любовь, которая поднимает нас на вершину счастья или приводит на эшафот боли и печали.

- Слушай, Алина, ты вчера мне сразу понравилась. Нет, правда, не возражай. Странно, что мы с тобой не встретились раньше. Я ведь приезжал и в том году. Ну, хотя бы неделю тому, когда я только приехал.

Она слушала, не возражала, Ей было приятно и немножко тревожно.

Так вот как это случается в жизни, подумала она. Просто и не совсем торжественно, как иногда пишут в книгах.

Он внимательно смотрел в глаза, ждал, наверное, ответа, или реакции на свое признание.

- Мне хорошо, только и могла сказать Алина. И это было чистой правдой. Он взял ее за руку, осторожно сжал и замолчал.

Потом ели мороженое. Бродили по городу дотемна, катались на колесе обозрения. Искали дома – она свой, он – бабушки и смеялись своему сегодняшнему счастью.

Возле дома, прощаясь, он несмело поцеловал ее в щеку.

Как-то в очередной приезд в Краматорск, в разгар их романа, Роман, по старинной традиции, просил ее руки у родителей. Она перевела все это в шутку, не обидно, сказав, что пока об этом рано говорить. Ведь она еще учится.

Мы пойдем погуляем, тоном, исключающим возражения, предложила Алена. Долго шли молча, не договариваясь, вошли в свой любимый сквер, сели на свою скамейку.

- И что это было, - изменившимся голосом спросила Алина?

- Что это?

- Этот акт сватания, как все поняли. Довольно эффектный.

- Я считал, что мы должны уже определиться. И это логическое завершение наших с тобой отношений.

- Ты считаешь. Мы должны. Завершение.

Почему не поговорил со мной? Спасибо, ты все решил за меня. Но есть большое НО. Ведь я пока еще никто – не специалист, на иждивении у родителей. Я так не могу.

И потом, какое завершение? Может, только сейчас будет становление наших отношений. Как-то все не так...

Где-то на подсознании она иногда ловила себя на мысли, что Роман всегда оставался в области, как она для себя определила, недосказанности. Очень большая часть его была закрыта этим барьером. Ей, открытой натуре, это было не совсем понятно. Но, почему-то она пыталась это не замечать.

Прислонилась к плечу. Замолчала. В душе шевелилась несмысленным младенцем обида. Чувствовала какую-то отстраненность плеча.

Роман перебирал ее волосы, поцеловал в висок. Вдохнул.

Ничто не говорило о будущей катастрофе, которая созревала, росла, набирала силу без их участия. Вернее, без ее участия.

- А помнишь, как мы познакомились? Бродили долго, до волнения твоей бабушки.

- И я при расставании поцеловал тебя в щеку. Не помню уже в какую. Странно, разве это важно, в какую.

- А в театре в Питере ты все время смотрел не на меня, а слушал спектакль. Потому что все помнил, о чем говорили на сцене. Как это можно?

- А я помню твой восторг, какой-то нереальный, когда ты делилась впечатлениями о городе. Твоя влюбленность в него читалась даже в твоей походке. И город это чувствовал.

Странные воспоминания, подумала Алина, как после долгой разлуки или перед расставанием. Улыбнулась. Глупая.

Какое расставание, когда просят твоей руки и предлагают сердце.

Его, непонятная пока, недосказанность давала о себе знать. Тревожила, почему-то больше, чем когда-либо.

Теснее прижалась к его недосказанности.

Успокоилась.

Замолчали.

Днем Роман уезжал домой. Провожала, как обычно. С надеждой, со слезами, просьбой звонить.

Вспоминала... Роман с радостью принимал её подарки, позволял заботиться о себе, даже в мелочах. Соглашался на её предложения пойти на

концерт или на модную выставку. Последнее время сам редко выступал инициатором подобных мероприятий.

И это радовало Алину, не потому, что соглашался. Радовала возможность делать приятное человеку, который ей не безразличен. Которого любила.

Потом ей сказали, что Роман уехал навсегда в Израиль.

Не попрощавшись.

Ни разу не позвонил.

Не написал письма.

Канул камнем в реку жизни. Даже не пошли круги.

Может вовсе и не любил?

Так больно ей еще никогда не было...

За что? Почему?

Нахлынула тревога непонятная, густая, лиловая, почти материальная.

Ни на что не было сил.

Как просто, подумала, можно убить человека.

Объяснения его поступку не находила.

Из груди вырвался стон, которого испугалась сама.

Вбежал испуганный папа. Попросила водки. Выпила. Попросила оставить одну.

За окном ветер копошился в деревьях, на которых появились отдельные гонцы осени. Солнце, не такое уже грозное старательно топталось по еще зеленым листьям, пытаясь скорее выкрасить их в свой цвет. Кое-где в траве гудели заблудившиеся пчелы, выискивая последний взятки.

Ночью боль вылилась на подушку, и та покорно ее вобрала.

Сон был тревожный и несуразный.

Не запомнился.

Кто-то внутри другой Алины обещал, что всё будет хорошо. Ну и лады!

Что Бог не дает – все к лучшему.

Будем жить.

Ректорский прием по случаю завершения учебы. Почему-то не обрадовалась и не удивилась, когда её в числе других выпускников пригласили.

Непринужденная обстановка, улыбки, смех, радость от хорошо сделанной работы. Ожидание чего-то нового, неизвестного.

Вдруг наступила тишина – вошел ректор. Как перед бурей – подумала Алина. Поздравил и поблагодарил за сотрудничество, пожелал всего, что в таких случаях желают. Выразил надежду на дальнейшую совместную работу.

Предложил, в том числе и Алине, остаться работать в Академии в качестве преподавателей.

Дома ее ожидали с нетерпением, все чувствовали облегчение и радость. Успешно окончен еще один этап жизни ребенка.

- Мне предложили остаться в академии преподавателем на кафедре менеджмента, – сообщила Алина после поздравлений и поцелуев. - Все это так неожиданно, не знаю даже – решаться или нет. В течение недели надо дать ответ.

- Думаю, - после небольшой паузы сказал папа, - что предложение очень заманчивое. Вот и само собой решился вопрос, что занимал нас всех по крайней мере последние полгода. Пиши заявление или что там надо делать. Даже не думай. К такой работе ты готова, я уверен. Знаний у тебя достаточно, упорства не занимать. Командирским голосом обладаешь, - пошутил.

- И, самое главное, – будешь рядом с нами. Пусть это и эгоистично, но, когда у тебя появятся свои дети, нас с мамой поймешь. Так что в добрый путь.

Через неделю все формальности были закончены. Появилась новая запись в трудовой книжке, а в академии новый сотрудник.

Самым трудным была первая встреча со студентами на занятии. Прошла на высоком идейно-политическом уровне, как сказала дома своим Алина.

Как оказалось, хватало времени и на работу, и на «Академию», и на фестивали, конкурсы. Правда, для этого из жизни надо было вычеркнуть такой пункт, как «свободное от работы время».

По-другому она и не мыслила себе жизнь, как таковую.

Стихи посещали регулярно, как всегда без очереди. Выплескивались на бумагу. И вот уже вышел из печати очередной, третий сборник стихов «Прижаться к земле».

Все чаще Алина в стихах и коротких эссе обращается к Земле, к ее голосу, к ее глубине, которая скрывается в лесах, реках, полях. Потому что никто из людей, никакая книга не поведаст того, что может сказать земля. И только она никогда не обманывает.

Бессонница. Алина давно привыкла к ней. Слава Богу, гостя была достаточно воспитанной. Приходила редко, почти всегда под выходной. Как по заказу. Вспомнились презентации книг стихов. И первой - «Единение двух сердец», и «Бисерное признание», и третьей - «Прижаться к земле». Особенно, первая презентация. Ведь только Алина знает, что её, первую, она посвящает самым дорогим людям ее жизни. Людям, которые «виноваты» в том, что она такая. Ее любимым папе и маме. Это их титанический труд и терпение сделали из нее человека. И не случайно на обложке два сердца, а на стене два слова: Таня + Вова.

И хотя она привыкла видеть журналистские свои репортажи на страницах газет, но книга – это совсем не то. Этого не выразить словами (а слов Алина знала великое множество), а нужных не находилось. И радость была ни с какой другой, ни с чем не сравнимой.

Она благодарна людям, что приходили на презентацию в музей истории, Наталье Евгеньевне - директору музея. Была приятно удивлена ее способности превратить это мероприятие в праздник.

Где-то в глубине души шевелилось сомнение – понимают ли все, что она хотела сказать? Принимают ли? Согласны ли с ней? Не кривят ли душой?

И верила, что пусть немногие, и поймут, и примут.

И это нормально.

А стихи приходили. Бесконечной вереницей.

Нахально ломились в строку.

Как-то само собой Алину стали считать своим полноправным членом в Дружковском городском литературном объединении «Поэтические витражи». Её поэзию принимали там без «редактирования», которое так не любила Алина. Она считала, что стихи править можно только грамматически.

Все остальное - это дело поэта. Наверное, поэтому она и не стала заниматься в Краматорском литобъединении, что там были сильны традиции «улучшения» стихов.

Наверное, поэтому стихи Алины переполнены энергией, чувствами, драйвом, где-то на грани фола и написаны вопреки принятым в обществе нормам. Лишены «дипломатии». И правдивы, как небо.

Объяснить себе свое решение выйти замуж за Михаила Алина не могла, да и не хотела этого делать. Может, боялась. Это решение принималось где-то выше, куда вход для нее был закрыт. Все решилось без неё (земной) участия, как дурной сон. Как наказание. А за что - она не понимала.

Любила ли она Михаила? Вряд ли. Просто вспышка, имитирующее подобие чувства, что-то таинственное, прадавнее, мистическое, чудом ожившее в ее сути. Не больше.

И любовь его была (любовь ли?) какая-то бледная, невзрачная, как поганка. Уж, лучше бы была мухомором, что ли.

Любовь, как стихия, любовь сама по себе, без участников, как явление природы, которая была всегда, есть и будет всегда. Знала давно и ...

Михаила мало интересовала ее работа, проблемы, победы и неудачи. И слушал он ее, как говорится, в пол уха.

Он просто завидовал её известности в поэтических кругах, её знакомствам с известными людьми, пусть и в городе, области. Они знали её, признавали её талант, её готовность делать, что-то по зову души, а не по обязанности.

Их замужество было каким-то безнадежным, что ли. Иногда ночью лежа рядом с супругом, почему-то в мыслях она называла его супругом, она с тоской пыталась разобраться в который раз и понять: как так получилось, что они супруги? И объяснения не находила.

Их лодка была оказалась катамараном с очень ненадежным соединением частей. Она чувствовала, что в любой момент части лодки могут поплыть в разные стороны, и ничто уже их не удержит рядом.

Все эти придирки и упреки, которые начались чуть ли не с первого дня «плавания», сначала её веселили, потом стали удивлять своей мелочностью и даже низостью. Особенно, денежный вопрос.

Была ли надежда, что все образуется, притрется, приклеится, слюбится? Она точно не знала, да и знать не хотела.

Жила, как в тумане, в состоянии транса. Не пыталась анализировать.

В один момент, как выстрел, пришла мысль и понимание, и вопрос: «Зачем я согласилась на свадьбу, как это произошло и почему?»

И, вдруг, увидела ясно, до боли в глазах: рядом – пустое место и человеческого в нем ни на понюшку табака.

Прямо и честно, как она всегда делала, сказала ему все, что разглядела только сейчас.

Сначала не поверила, что он ее ударил. Потом увидела в его глазах звериное. Почувствовала новые удары. Выбежала на кухню и позвонила отцу.

Катамаран утонул, так и не выйдя с порта.

Приехав домой, она пошла в степь и выплакала ту себя, неизвестную и ненужную в этом мире. И вернулась в себя.

Дни проходили мимо, не задерживались в сознании. Одинаковые, как бусинки одноцветного мониста. Без звука и цвета. Быстрорастворимые.

Писались стихи и репортажи в газеты. Редактировались чужие материалы в «автоматическом» режиме.

Все было, как всегда.

Не было улыбки.

Её улыбки.

- Алина, что-то случилось? – спросила, улыбаясь, Вита. Какая-то ты не совсем Алина. Ожидала увидеть улыбку, шутку в ответ.

- Всё хорошо, Витуся, все хорошо.

Стало понятно, что все вопросы неуместны. Ответ один – все хорошо.

Встретился Денис, давнишний поклонник, партнер по театральной студии, где она несколько месяцев занималась. Даже готовилась участвовать в спектакле в довольно серьезной роли. Готовилась, репетировала, но ... на сцену не вышла. Побоялась. Ну, не её это!

- Привет, Алька, очень рад тебя видеть, просто счастлив. Сколько лет? Что невеселая?

- Привет, Ден! Лет? Наверное, около двух. Может больше.

- Слушай сюда, в субботу даем спектакль о молодежи. Приходи. Мы все, особенно я, будем рады.

Спектакль несколько отвлек от надоедливых и однообразных мыслей.

После спектакля пошел провожать и предложил прогуляться, если она свободна на вечер. Было по-летнему тепло. В городе хозяйничало бабье лето.

- Прости, Алина, но я хочу напомнить, что по-прежнему тебя люблю. Буду самым счастливым, если ты дашь мне хоть небольшую надежду. Буду ожидать, сколько скажешь.

- Извини, Ден, пожалуйста. Ты замечательный парень, чудный товарищ и человек. Ты мне очень дорог, но сердцу не прикажешь. Не буду ни себя, ни тебя обманывать. Давай оставим все, как есть.

- Спасибо, Алька, за правду. Но учти, я - человек терпеливый, ждал и буду ждать долго. До победного конца.

Победный конец наступил, когда Алина вышла замуж. Спустя несколько месяцев Денис женился.

Почему-то, в это непростое, тяжелое для души время предлагал руку и сердце Вячеслав. Но Алина не видела в нем готовности к поступку, авантюризма, так нужного, по мнению Алины, для мужчины.

Звал с собой в любимый Питер Ярослав. Навсегда. Знала, чувствовала, что любит. Но любовь его была какой-то официальной, пресной.

Но другом Ярослав был самым настоящим. И часто дома Алина говорила: «Ярослав - моя самая лучшая, преданная подруга».

Перед отъездом в Питер Ярослав пришел к ней с огромным снопом цветов, грустный и смущенный своим нахальством.

Пить чай не остался.

Она понимала его.

Соглашалась с ним.

На прощание расцеловались. Ушел.

Ушла к себе в комнату. Заплакала. Долго сидела, не зажигая свет.

Случайные «отношения» не приносили радости. Оставляли чувство вины.

Работа, фестивали, встречи, подготовка книги.

Как хорошо, думала, что нет свободного времени.

*«И верю, что нет никакого понятия,
И нет ограниченных слов для Неё.
Я знаю, я чую – Любовь – это магия,
Что сверх всех сознаний, и сверх всех стихов.»*

А. Остафийчук

Она долго не спала в ту ночь. Мысли, как огромные хлопья снега, толпились в какой-то непонятной, невысказанной круговерти и не хотели складываться в стройный логический ряд. Словно она напрочь разучилась мыслить.

Новое и пока непонятное чувство пробивалось сквозь асфальт догм, принятых (кем?) правил поведения. Упрямо поднималось навстречу солнцу. Окрашивалось в светлые, радостные, восторженные тона. Принимали свой цвет. Опутывало, как клубы тумана, обессиливало. Подавляло волю и попытки слабого сопротивления. Было тревожно и радостно, и беспричинно счастливо.

Мир сходилась клином на нем, на Владе, таком очень понятном и давножданном. Который давно жил внутри. И до вчерашнего дня вел себя тихо и незаметно.

И вся она вдруг, поняв и приняв его (а может и не она?), испугалась и обрадовалась.

А чувство ширилось нахально и дерзко, воинственно. Заполняло всю её, отрезая пути отступления и защиты.

Что с ним делать, она не знала, да и не хотела знать. Хотела быть рядом. Долго. Всегда.

А утром солнце было спокойным и безразличным к ней, новой и побежденной. Дни изменили свое поведение, хоть и были разными. Но не похожими на те, до встречи. И жили сами по себе. А прежняя Алина, молча смотрела на новую, как бы со стороны, побежденную и растерянную, и не узнавала.

Мозг отказывался работать по-старому. За все теперь отвечала другая Алина – слепая и глухая, полыхавшая от счастья. И это было так заметно, что она целый день боялась поднять голову и посмотреть той, новой, в глаза.

Она ясно сознавала, что попала в зависимость. И эта зависимость или дарует ей полную свободу, или убьет её. Оба варианта вполне возможны.

И ей хотелось быть рядом с ним, как можно ближе. Так, чтобы невозможно было даже представить себе, что они смогут когда-нибудь не то, что расстаться, а просто... разъединиться друг с другом.

Они не были слишком молоды, чтобы бездумно броситься в горнило страсти.

Для него это была очередная интрижка. Он был большим мастером таких спектаклей. И с достаточно взрослыми, по его меркам, женщинами. Да и многие, с кем он крутил романы, серьезно к этому не относились. Все было рассчитано на день - ночь, максимум - на время фестиваля или творческой встречи.

Алина ему говорила, что он самый лучший, что ей повезло, что они встретились, что это она заманила его в свою жизнь, что она теперь точно знает, что такое любовь.

Знала ли она, чувствовала, понимала, что от этой любви ей никуда не деться. Что это, иногда изматывающее, похожее на постоянную боль, чувство.

Навсегда?

Эта любовь высасывала из нее остатки воли и предвещала катастрофу.

Алина была сильной натурой – все это знали. Могла справиться со всем на свете.

Только не с любовью.

Влад Клен оказался всего-навсего бесплатным сыром в мышеловке, на который повелась, вернее, повела её любовь. Просится сказать банальное – любовь зла... И повторяется это (наверное, это болезнь) уже который век и эпоху.

Так что же такое любовь? Подарок или наказание? И кто этим управляет?

С интересом прочитала роман лауреата Международной украинско-немецкой премии им. О. Гончара, В. Мельник «Я покохаю тебе завтра», которая живет в Дружковке. Еще она пишет стихи. Долго добивалась встречи с автором. И вот повезло. Автор находится в заводском профилактории и согласна встретиться.

Казенная палата. Давно не крашенные рамы окон. Щели в палец толщиной. Батареи скорее холодные, чем теплые. Сквозняки.

Красивое лицо, как для себя определила Алина, степнячки, выдающее наличие татарских или казацких кровей. Ласковые глаза полны всеобъемлющей печали и боли. Приятный голос. Спокойная, рассудительная речь.

С первой минуты общения почувствовали родство душ.

Алина умела слушать героев своих репортажей. Проговорили до полночи и следующие полдня.

Уезжала домой с чувством, что наконец-то нашла подругу, пропавшая давно и, непонятно, как и почему.

По телефону говорили почти каждый день – ведь позади были их жизни, в которых они не были знакомы. Тем для разговоров было огромное количество.

Материал в газету так и не был написан, но Алина приобрела настоящую подругу.

Подробно об этой дружбе можно прочитать в книге-реквиеме В. Мельник «MESSAGE в Запруделье».

Телефон на время стал как бы членом семьи. Алина не мыслила себе, что вдруг не станет телефона. Это была бы катастрофа. И вот Влад клятвенно пообещал, что уже завтра приедет в Краматорск.

- Я тебя жду, - прошептала почему-то Алина. А хотела сказать: я тебя люблю, все время скучаю. Что очень привыкла к тебе, ведь мы знаем друг друга тысячи лет или немного больше.

Могла бы сказать, – волнуюсь за тебя, беспокоюсь, постоянно о тебе думаю.

Могла бы сказать, – приезжай скорее, я замучилась без тебя, - что одиночество заело вконец.

Но сумела только, – я тебя жду.

В этих коротких словах было столько любви, что эта её любовь могла бы заполнить весь земной шар и, даже, переливаться через края, в небо. Что на всем этом земном шаре только она одна знала об огромности этой любви, корой сама немного побаивалась.

А в душу закрадывалось иногда сомнение, что такого не может быть.

*«... Удел мой прост – любить всю жизнь кого –то
И умирать за бренную любовь.»*

А. Остафийчук

Только все это было, заполняло её всю до краев. И было так счастливо. Невозможно. До боли. И хотелось, чтобы все это продолжалось и продолжалось...

Тогда она садилась к столу, и приходили откуда-то строчки стихов. Она покорно записывала их. Брала новый лист. Листы улетали на пол, и вот уже пол белый, словно выпал снег. Потом ложилась в постель в позе эмбриона и забывалась тревожным сном.

Ей никогда не приходило в голову, что она может его потерять. Банально расстаться. Что, вдруг, ни с того ни с сего, его не станет в её жизни. Такого просто не могло быть, по определению. Потому что вся она была наполнена им, как водохранилище водой. И без этой воды она, как и электростанция, не сможет ни жить, ни работать. Будет никому не нужна. И этой воды (любви) было настолько много, что можно было заполнить еще одну планету.

С утра ею овладело странное чувство. Чувство безысходности и неминуемой потери. Все валилось с рук. Хорошо, что был выходной.

Поискала в компе второй концерт Рахманинова. Эта музыка всегда возвращала на место и мысли, и сердце. Рояль гремел тревожно и грозно, вбирал в себя её тревоги и смутные ожидания чего-то неизвестного.

В такие минуты её сердце становилось огромным, во много раз больше, чем в нормальном состоянии.

Вот. Снова не приехал. Не позвонил. Телефон его вне зоны. Душа её не на месте. Знает ли он, что она чувствует в эти минуты, дни, часы?

Догадывается ли?

Думает ли о ней?

Куда деть себя такую, отсутствующую здесь и сейчас?

Куда спрятаться от назойливых, упрямо-нахальных мыслей, что армадой сунут и сунут.

Как спрятаться от его улыбки, такой располагающей, всеильной и всеобъемлющей.

От голоса – тихого, вкрадчивого, как шаги хищника, отслеживающего свою жертву.

Не помощники сигареты, «сухарь», бумага и карандаш. Последний отказывается писать совсем или пишет унылое, болезненное, злое и, даже, неудобоваримое.

Ненужными становятся рассветы, светлые, умытые ночным дождем. А солнце весело улыбается и безучастно к ее горю.

А есть ли у неё горе?

Это она, Алька, придумала его и носится с ним, как дурень с писаной торбой.

Телефон, по-прежнему, вне зоны.

И снова вокруг пустота. Хорошо, что никуда не нужно идти и можно доверится подушке, которая всегда и все понимает.

Две недели на море с Владом. Самые счастливые дни в жизни. Казалось, что такой счастливой быть просто невозможно. Господи, ну почему недели такие короткие.

Договорились, что Влад переедет в Краматорск. Поженятся. Обсуждали будущее. Мечтали, спорили. Соглашались. Уехал решать вопросы переезда.

Отец по просьбе Алины подыскал съемную квартиру. Алина нашла для него работу по специальности и по душе.

Но шли дни, недели, такие длинные (оказывается, когда не надо, то они, недели, - бесконечные). Потом телефон все чаще оказывался вне зоны...

Неужели он?! Без звонка. Сюрприз? Согласна...

Господи, как стыдно быть такой счастливой. За что мне это? Чем я должна за это платить? Стоп! Все эти мысли - в самый темный угол. Он рядом.

Прыгнула в объятия, повисла на шее. Сколько было силы, - прижалась.

- Задавишь, - прошептал, не переставая целовать. Закружились в только им понятном танце, ловила глаза, в которых читала: «моя!»

Примостилась под боком, уставшая и счастливая. Молчали.

Слушала бег его сердца: тук-тук, тук-тук. Боялась думать, что приехал ненадолго. Вот бы придумать, изобрести устройство, которое бы останавливало время! Хотя, стоп! Сейчас оно для них само остановилось. Почему на свете все имеет начало и конец? Зачем так жестоко?

Верила, что ее любовь будет длиться вечно.

- Влад, - сказала-пожаловалась. - Я очень устала от разлук. Ты меня замучил. Когда уже приедешь насовсем?

- Ты все выдумываешь. Сама знаешь, что все не так просто. Ведь мы обо всем договорились.

- Хорошо. Прости. Я согласна ждать, только поторопи события.

Ему не нравилось, что она всегда соглашается. Лучше бы она спорила, капризничала, закатила скандал, топала ногами, зарыдала навзрыд. Он бы тогда обвинил ее во всех грехах, и она оказалась бы виноватой.

Его прошлый опыт говорил ему, что так было всегда просто. Надо нажимать на нужные клавиши, не путать нот, и пьеса зазвучит так, как нужно ему - музыканту.

Но Алина отказывалась играть его музыку, путала ноты, и это вызывало какофонию. И самое неприятное для него было то, что виноватым оказывался он.

Он всегда уходил молча. С грузом вины, которую не мог заглушить внутренний голос, повторявший, как заклинание: «Все окей, пронесет. Прорвемся. Не первый раз».

По-другому поступать он не мог, не умел, по правде сказать, - не хотел. Жизнь, которую он выгородил для себя, не признавала ничего, кроме: «Я так хочу, мне так нравится. А все остальные меня не волнуют». Он даже не знал,

кто это - все остальные. Они просто были товаром, для удовлетворения его желаний и прихотей.

Ведь Алина никогда и ни о чем не просила. Не просила читать ее вирши, вникать в ее дела и в ее отношения с родителями. Как будто, ей никогда не требовалась ни помощь, ни сочувствие, ни жалость. Она приняла его в свою жизнь легко и просто. С радостью. Без каких-либо условий, таким, какой он есть. Не пыталась переделать, улучшить, перевоспитать. Хотела одного, чтобы ее понимали и любили, как любит она...

Слепо верила, что в человеке, в любом, - всегда больше хорошего. И очень много любви.

Мысль о том, что надо все забыть, выбросить любовь эту горькую из головы, иногда робко стучала в окно в бессонные ночи. Но ... уходила без надежды, что ее впустят в дом.

Работа добросовестно поглощала «свободное» время. Выполнено обещание, что давала папе: написана книга «Сказки». Сдана в печать новая книга «Естественный отбор», обещают напечатать к сентябрю.

Это единственные радостные события за последний год, такой нескончаемо-тусклый, бесцветный и бессонный.

Неужели это ее жизнь?

Бывает ли что-то хуже?

А он всегда хотел свободы неслыханной, небывалой. И верил себе, что обрел ее давно и навсегда, когда легко пудрил мозги сопливым девчонкам, в голове которых, кроме ветра, ничего не найти днем с огнем.

Бабочкой-капустницей порхал с цветка на цветок.

Испугался, когда до него дошло, что, по сравнению с нею, он – курсант, который толком не знает еще назначения всех рычагов и кнопок в кабине истребителя, а она – инструктор, и полетного времени у нее - не одна сотня часов.

Испугался ее любви – настоящей. Ведь он толком и не знал, что это, да и не старался узнать. Знал много нужных слов, чтобы изобразить это на бумаге. Но это были просто слова, которые знают все. Чувств за ними не было и не могло быть.

И, как истинный трус, он боялся ее, что любовь – это не его. Что он не дорос, не дотянулся до высоты, на которой располагалась Алина. И поставил ей в вину любовь.

А ведь мог просто исчезнуть на годы и километры.

Многие верят, что время лечит. Возможно. Излечилась бы и Алина.

А еще лучше – сказал бы, что все было игрой, что она ему не нужна, а все слова прозвучавшие и написанные, - спектакль, который он мастерски играл.

После последней размолвки Влад пропал на долгие недели. Телефон – вне зоны досягаемости. Выключил?

Знал бы, сколько лет жизни забирали эти недели. Мысль о том, что разлюбил, даже не возникала. Винула себя во всех грехах, которые тут же придумывала.

Друзья-подруги, которых было много и в Запорожье, где жил Влад, по доброте души сообщали: Влад не мучается разлукой. Меняет женщин, гуляет и веселится.

Почему-то не принимала близко к сердцу подобные сообщения. Верила: перемелется – мука будет.

Знать бы тогда, что ударение в слове мука вдруг может поменять место и перейти на первый слог.

Любила, верила, ждала.

Август 2010. Страшное сообщение. Впервые в жизни растерялась. Влад в больнице – аневризма. Неужели медицина бессильна?!!! Подруге - SMS: молись!

Боль огромная, ничего, кроме боли. Пропал голос. Единственная мысль: почему он? За что?

Время покатилося катком, подминая рассудок. Пустота густая, ощутимая, наполненная болью. Нет смены дня и ночи. Сумерки.

Помчалась в Запорожье. Просила все силы небесные, просила Влада не уходить. Но... судьбу не переписывают...

Клото исправно пряла нить жизни Алины, Лахесис - выбирала жребий, сомневалась, «тянула» время.

И, случайно, у Атропус дрогнула рука, и она перерезала нить жизни Алины на том проклятом людьми повороте.

Взмыла в небо
сказочной жар-птицей.
Небо лучших требует,
как дань.
И души её глубинная криница
Вдруг исчезла.
Раз и навсегда.
Не порадует нас
новизной чувства,
За собой в любовь
не уведет.
Стало до озноба
очень пусто.
Ниже опустился небосвод.
Словно,
отобрали веру в счастье,
Ничего не предложив взамен...

Рано поспешила ты
умчаться,
Где вовек не будет перемен.

Н.Супличенко

Эпилог

Ступени к солнцу Алины Остафийчук

(1979 -2010 гг.)

При жизни Алины вышли 4 книги.

1. «Единение двух сердец» - 2000 г.
2. «Бисерное признание» - 2001 г.
3. «На ощупь» - 2007 г.
4. «Прижаться к земле» - 2009 г.

Книги «Сказки» и «Естественный отбор» - вышли в 2010 г.

В 2014 году вышло полное собрание сочинений Алины в семи томах.

Алина:

- лауреат областной литературной премии им Н. Рыбалко -2004 г.;
- лауреат первого всеукраинского песенно-поэтического фестиваля «Город Дружбы приглашает»;
- лауреат акции «Жінка Донеччини» в номинации «Журналистика» 2006 г.;
- организатор художественно-литературного журнала «Альманах муз» (Краматорск);
- соучредитель международного творческого ордена «Корни неба»;
- инициатор и учредитель городского благотворительного фонда помощи бездомным животным «Друг» - 2008 г.;
- кандидат экономических наук – 2009 г.;
- победитель фестиваля детских и молодежных СМИ Украины в Донбассе «ЖМИ на RECOrd».